

[Раса]

Я искал Калькутту на карте. Нью-Дели находился здесь, в то время как он находился на другом конце города. Я измерял расстояние ладонью, и оно составляло ровно полторы ладони. Крошечная точка, от которой река Ганг разделялся на четыре рукава, это Калькутта.

Мы с Шэнь Сюем, возможно, были единственными, кто сел в самолет до Калькутты только для того, чтобы искупаться. Когда мы прилетели, погода была не из приятных... Похоже, вот-вот мог начаться сильный ливень. Мы отдали деньги охраннику в деревянной хижине, завернулись в банные полотенца (с видом туристов) и ступили на илистый берег реки Ганг. Поверхность была желтоватой, мутной. Я шел впереди, навстречу ветру. Я не должен был слишком много думать о том, что у меня под ногами. Если бы я сейчас подумал об уходе, все, что было раньше, обернулось бы прахом.

Только что, когда я колебался, стоит ли мне тоже снимать нижнее белье, Шэнь Сюй уже без стеснения снимал с себя всю одежду. Его член бездействовал, что определенно не было таким вежливым и скромным, как его внешний вид. Пока я поспешно отводил взгляд, Шэнь Сюй хихикнул у меня за спиной. В сравнении с ним я выглядел неуклюжим, поэтому, подражая ему, быстро разделся. Однако это показалось мне неправильным, поэтому я схватил банное полотенце и завернулся в него.

Поверхность реки нагревалась от жары, но чем глубже вы заходили, тем холоднее становилась вода. Я плотно сжимал губы и изо всех сил старался, чтобы вода не попала мне в рот. Шэнь Сюй плавал по воде, половина его волос развевалась вокруг, а другая половина прядями свисала на лицо. Он бросил на меня взгляд полуприкрытых глаз и сказал:

— Расслабься, Сяоцзинь.

— Если я выпью глоток этой воды, то, возможно, выпью сотню индейцев. — я с трудом выдыхал.
— Что-то странное я чувствую.

— Неважно, сколько индейцев ты выпьешь, ты не станешь одним из них.

— А что, если я стану? — я поднял голову. — А что, если завтра я проснусь и обнаружу, что превратился в индийца, который не может произнести ничего, кроме «нандри»?

— Что ты сделаешь? — Шэнь Сюй согласился. — Ты будешь выглядеть не так, как на фотографии в паспорте, поэтому не сможешь вернуться домой.

— Я останусь здесь и поищу работу рядом с Шивой. Может быть, уборщиком.

Шэнь Сюй издал короткий смешок.

— Как ты думаешь, здесь хорошо работают уборщики?

— Я пошутил. — я начал относиться к этому серьезно. — Уборщиком денег не зарабатываешь. Однако преподавание йоги кажется довольно прибыльным занятием.

— Мы, китайцы, действительно прирожденные бизнесмены. — подразнил Шэнь Сюй. — Я тоже люблю деньги.

— Вот как? Ты работаешь моим гидом, не прося у меня денег.

— Ты другой. — Шэнь Сюй выпрямился в воде. Он открыл пакетик с шампунем для волос на молнии и растер его в ладонях, пока не образовались пузырьки.

— Шэнь Сюй... — я послушно опустил голову, позволяя ему нежно массировать мои волосы. — Ты знаешь? В твоём фасаде столько же дыр, сколько в пчелином улье.

За моей спиной было тихо. Вода лишь журчала, устремляясь вперед. Руки Шэнь Сюя медленно двигались, спускаясь с моей головы к плечам. И тут что-то мягкое коснулось мочки моего уха, и наши тела под водой соприкоснулись... Было смутное ощущение. Я не мог прикоснуться к нему и в то же время остаться невозмутимым, поэтому закрыл глаза и позволил любой части своего тела плыть вслед за текущей водой.

Когда Шэнь Сюй стал руководителем школьной проектной группы, многие учителя отказывались его слушать из-за его юного возраста. Они отпускали в его адрес колкие замечания и говорили о нем за его спиной. Он не говорил мне ничего подобного. Я знал об этом только потому, что просматривал его тексты. Раньше я думал, что в школах будет менее сложная рабочая среда, но, похоже, это было не так. Там, где существовали различия, возникали конфликты и войны. Шэнь Сюй был подавлен и изолирован почти всю свою жизнь. Я всегда думал, предназначено ли это ему судьбой, или это просто норма в нашем обществе?

Однажды Шэнь Сюю пришлось поработать в выходные, и у меня был выходной. Я накопил огромную кучу закусок, прежде чем пойти навестить его и пообедать в учительской столовой. После того, как Шэнь Сюй показал мне, как готовить рис и сопутствующие блюда, он хотел купить мне фруктов, чтобы я мог перекусить после обеда, но я встал раньше него и сказал, что сам это сделаю.

Когда я проходил мимо женщины, раздающей порции мяса и овощей, меня остановил пар. Женщина с поварешкой в руках тихо спросила меня, не друг ли я Шэнь-лаоши. Пряча в карман бананы и персики, я кивнул и согласился.

— Ах! — вздохнула она. — Я всегда вижу, как он ест в одиночестве!

— А разве с ним нет других учителей?

— Очень редко. — она покачала головой. — Однажды я увидел Шэнь-лаоши, который сидел там один, держа в руках свой поднос, и по его лицу текли слезы!

Шэнь Сюй никогда не плакал, поэтому я был потрясен.

— Когда это было?

— В прошлом месяце.

Я вспомнил. В прошлом месяце мы поссорились из-за того, что его мать попросила у него денег.

Честно говоря, она всегда без зазрения совести забирала заработанные тяжелым трудом деньги Шэнь Сюя себе, и со временем забирала все больше и больше. Я был возмущен от его имени. Его родители родили и воспитали его, но это не значило, что он был инструментом, заслуживающим того, чтобы его эксплуатировали. Когда я увидел, на что год за годом уходят его деньги, мое сердце сжалось от жалости к нему. Мне часто было трудно дышать ради него.

Не получив того материального удовлетворения, о котором мечтала, тетушка появилась в

нашем маленьком домике площадью в пятьдесят квадратных метров. Она начала бормотать мне что-то на ухо, пока я играл роль квартиранта, жалуясь на то, какой злобный у нее сын и как он обманул ее, следуя за мной из ванной в мою комнату, словно человекообразный динамик, и остановилась только тогда, когда я сказал ей: «Тетя, извините, но мне нужно поспать». Даже после того, как я закрыл дверь, она упрямо стояла, прислонившись к ней снаружи, и целый час что-то бормотала себе под нос.

Закрыв уши, я понял, что не могу вызвать в себе никакой ненависти к ней. Все, что я чувствовал к ней – это жалость.

Я ничего не мог поделать, кроме как наблюдать, как Шэнь Сюй все глубже и глубже увязает в этих шатких отношениях, притупленных тем, что они называли материнской любовью.

Вернемся к Шэнь Сюй. Он заставил себя улыбнуться и поблагодарил за закуски, которые я принес. Прежде чем я успел его о чем-то спросить, он начал разговор первым. Он сказал мне, что хотел бы проводить дополнительные занятия после школы. Многие родители, которые искренне хотели, чтобы их дети совершенствовались, говорили с ним на эту тему.

Ошеломленный, я спросил, понизив голос:

— Министерство образования разрешает это?

Взгляд Шэнь Сюя блуждал. Внезапно он обернулся.

— Мне показалось, кто-то окликнул меня по имени. — небрежно сказал он.

Никто не окликал его по имени. Я был в этом совершенно уверен. Я также подозревал, что у Шэнь Сюя часто бывали подобные галлюцинации.

— У тебя все хорошо в команде проекта? — спросил я.

Шэнь Сюй молча покачал головой.

— Если лошадь послушна, на ней ездят верхом. Если человек добр, над ним издеваются. Тебе следует закалить себя.

— Они... они подумают, что я мелочный и ограниченный человек.

— Неужели для тебя так важно быть идеальным? — вздохнул я. — Даже когда над тобой издеваются, ты продолжаешь сохранять видимость беззаботности. Восприятие тебя другими людьми не должно заставлять тебя терять самообладание, Шэнь Сюй.

Шэнь Сюй уткнулся лицом в рис, его движения были механически упрямыми, как будто он выполнял задание. Я очистил для него банан, и он откусил половину. Приглушенным голосом он велел мне идти домой.

Он действительно привык к тому, что над ним издеваются. Сердце его матери не болело за него, но мое сердце болело.

С этой мыслью я отправился домой, а затем обратился к опытному психиатру, который высоко оценил свои услуги – восемьсот юаней за пятьдесят минут. Мы с ним договорились говорить всем, кто спросит, что он берет сто юаней в час.

Когда психиатру наконец удалось выделить немного времени в своем плотном графике,

образцовый работник Сюй уже закончил большую часть своих занятий с репетиторами. Перед началом курса лечения психиатр посоветовал мне попросить Шэнь Сюя выполнить несколько мелких поручений, чтобы он мог почувствовать, что его ценят, любят и в нем нуждаются.

И вот той ночью я сорвал матрас с нашей кровати.

Когда Шэнь Сюй вернулся, я в отчаянии сказал ему, что матрас порвался. Он осмотрел его, затем нежно обнял меня и сказал, что все в порядке, мы могли бы просто купить другой. Я показал ему свой телефон. На экране были представлены три варианта, которые я выбрал заранее. После долгих колебаний Шэнь Сюй выбрал самый дорогой.

— Лучшие матрасы сделают сон более комфортным. — сказал Шэнь Сюй. — Сяоцзинь, ты всегда наклоняешься, когда рисуешь свои чертежи. Тебе нужно как следует отдохнуть, когда будешь дома.

Я проглотил то, что хотела сказать. Глядя на завиток у него на макушке, я почувствовал, как мое сердце разрывается.

Матрас, который мы купили через Интернет, прибыл на следующий день. Я попросил его помочь мне поднять его. Мы поднимались каждый по очереди, я был впереди, а он сзади. Подъем по лестнице был очень утомительным. Я включил на телефоне поп-музыку, и, хотя мы вспотели, мне это показалось забавным.

Лестничная клетка была наполнена запахом краски. Когда мы оказались на третьем этаже, сила, удерживавшая меня сзади, исчезла, и Шэнь Сюй позвал меня по имени невероятно тихим голосом.

— Сяоцзинь. — сказал он. — Я не думаю, что смогу это больше делать.

— Если ты не можешь этого сделать... Если ты не можешь, отложи это на некоторое время! — стоя на лестничной площадке, я лучезарно улыбнулся ему. — Отпусти!

Шэнь Сюй кивнул, прислонившись к стене.

— Я так устал.

Шэнь Сюй сказал, что устал. Я вспомнил, что сказал мне психиатр: «вам нужно с осторожностью относиться к его просьбам».

— Если ты устал, мы можем пропустить свадьбу наших одноклассников сегодня вечером.

— Мы обещали им, что пойдем, значит, должны. — покачал головой он.

Я медленно опустил матрас и прислонился к выкрашенной белой краской стене рядом с ним. У меня перед глазами все поплыло. Мой парень действительно был из тех, кто никогда не нарушает своих обещаний.

Воды реки Ганг текли так, как текли с незапамятных времен. Я медленно опустился на дно, позволяя воде смыть слезы с моего лица. Когда я снова открыл глаза, мир мерцал. Пузырьки поднимались и опадали вместе с волнами. Я откинулся назад, зная, что меня ждет широкая грудь.

— Я знал, что ты придешь сюда... со мной.

Шэнь Сюй что-то напевал себе под нос. Он откинул волосы со лба запястьем. Капли воды стекали по его подбородку, словно крошечные цветочки в реке.

— Мы дали обещание.

«Боже, как он может оставаться таким, каким был раньше?»

Боль поднималась во мне необычайно бурной волной. Я повернулся и поцеловал его.

Поцелуй был короткий, неуверенный. Мы оба открыли глаза. В ту секунду, когда наши губы вот-вот разомкнулись бы, Шэнь Сюй закрыл глаза, прижался к моему затылку и снова поцеловал меня.

На этот раз он целовал меня глубже, его прикосновения длились дольше.

Река Ганг омыла нас дочиста, и осталось только чудесное чувство, что мы свободны от своих проблем. И больше ничего не существует, кроме нас двоих.

— Сяоцзинь, ты не сказал, что знал, что это я. Ты определенно затаил злобу. — пробормотал Шэнь Сюй, все еще прижимая свои губы к моим. Он раздраженно жаловался, его манера вести себя было милым.

— И кто же это разыгрывает надо мной все эти шутки? Кто это не ответил на мои сообщения?
— отказался уступить я. — Это не Шэнь Сюй?

Он виновато кивнул. На мгновение казалось, что к нему вернулась былая жизнерадостность.

Вечером мы вышли из бани и отправились прогуляться по рынкам здесь, в Калькутте.

Сегодня, должно быть, был какой-то важный день, о котором я понятия не имел. Местные жители прогуливались по улицам в своих лучших нарядах. Я не был в силах вникнуть в пестроту ярко-красных и медных колокольчиков. Когда я слышал щелчок затвора, я в шутку уворачивался от камеры Шэнь Сюя. Я сворачивал в переулок, затем уходил налево. Везде, куда бы я ни пошел, царили суета и веселье. В уличной процессии я видел разноцветных змей причудливой формы с выпяченной грудью. Я показывал на них Шэнь Сюю, который схватил меня за руку, чтобы я не бродил вокруг, а другой рукой он настраивал экспозицию на своей камере. Рикша, ехавший передо мной, заставлял меня сделать крюк. Свернув на странный перекресток, я резко остановился.

Здесь меня встретила совершенно иная картина. Я словно ступил в другой мир. Передо мной возвышалось святое место, построенное из камня. Я был ошеломлен его гнетущей мощью. Там из ниоткуда появлялась массивная статуя спящего льва, который, опустив голову, наблюдал за унылой лестницей перед собой.

Музыка все еще звучала у меня в ушах, хотя и слабо, но сейчас меня встречал простор руин и запустения. Я ощущал это вопиющее несоответствие, словно между раем и адом.

Это место было мрачным, сырым. Даже если бы с потолка выросли сталактиты, я бы не удивился.

Наступила ночь. Темно-серое покрывало тумана напоминал тяжелый барабан, покрытый слоем пыли. Бум, бум. Вместе с оглушительными звуками в воздухе клубилась пыль, притупляя все, к чему прикасалась. Каменная статуя проливали черные слезы, а растения гнили быстрее в

удушливо-влажной летней ночи. Запах смешивался с пронзительным ароматом специй, от которого у меня кружилась голова.

Я тупо наблюдал за происходящим.

<http://bllate.org/book/14890/1347420>